

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Теоретические вопросы участия переводчика в производстве по уголовному делу нельзя отнести к числу широко обсуждаемых в литературе. Нормативная регламентация соответствующих процедур не претерпевала сколько-нибудь заметных изменений, как минимум, последние 50 лет. Судебная реформа на рубеже столетий этой ситуации тоже не изменила. Однако того же нельзя сказать о реальной жизни: иностранная речь на улицах российских городов и в российских официальных учреждениях стала яркой приметой времени, проявившейся и в криминальной среде, и в правоохранительной деятельности.

Проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель в случаях привлечения к участию в деле переводчика, можно условно поделить на две группы:

1) несовершенство самих нормативных предписаний, определяющих основания и порядок привлечения переводчика, его права, обязанности и ответственность;

2) отсутствие наработанной практики привлечения переводчиков и реализации соответствующих правовых норм.

Обе группы проблем неразрывно связаны друг с другом: излишний лаконизм и двусмысленность нормативных правил порождают произвольность их толкования каждым следователем или дознавателем в каждом случае приглашения переводчика и столь же произвольные, а часто хаотичные действия должностных лиц по выбору конкретного переводчика и обеспечению его участия в процессе. Отсутствие организационных механизмов, способных упорядочить эту деятельность, автоматически оттесняет главное содержание участия переводчика — обеспечение прав и законных интересов разных участников процесса — на задний план, превращая процедурные моменты в нечто самодовлеющее и неоправданно трудоемкое. И это повторяется каждый раз как бы с чистого листа, когда особенности дела диктуют необходимость привлече-

* © Шестакова Т.Д., 2012

Шестакова Татьяна Дмитриевна — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

ния переводчика. Между тем описанные процедуры в последние годы перестали быть «экзотикой»: миграционные потоки, массовый приток иностранной рабочей силы в Россию, равно как и приток иностранного капитала на российские рынки, меняют облик преступности в стране и требуют кардинальных изменений в законодательных и правоприменительных подходах к решению возникающих в связи с этим уголовно-процессуальных проблем.

УПК регулирует лишь отдельные элементы процедуры участия переводчика, в то время как для решения этих проблем необходимо создание единой схемы, включающей права, обязанности, ответственность переводчика, полномочия властных субъектов в отношении него.

Первой проблемой выше названо несовершенство нормативных предписаний. Зачастую оно проявляется в том, что отсутствуют сами понятия, через которые раскрываются права и обязанности переводчика и иных участников уголовного процесса. Отсюда и проблемы в их реализации.

Ярким примером служит ст. 18 УПК РФ, которая предусматривает два основания для обязательного привлечения к участию в деле переводчика:

- 1) участник уголовного судопроизводства не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу;
- 2) участвующее в деле лицо недостаточно владеет языком, на котором должно осуществляться производство по уголовному делу.

При этом ни УПК, ни какой-либо иной нормативный акт никак не поясняют, что следует понимать под «недостаточным владением языком». В законе отсутствует само определение «владения языком», как и «языка уголовного судопроизводства».

Международные нормативно-правовые акты² используют два равноправных понятия: «говорит на языке» и «понимает язык». Действительно, наличие одного из двух этих аспектов может не предполагать наличия другого. В российском законодательстве данный факт отражения не находит. Кроме того, лицо может в достаточной мере владеть разговорным языком, но не знать язык нормативных актов, юридических терминов на языке. Можно ли в этом случае говорить о том, что лицо владеет языком уголовного судопроизводства?

Следствием этих противоречий в определениях является отсутствие в законе четкой процедуры реализации правового статуса переводчика. В связи с этим на практике возникает целый ряд вопросов.

Во-первых, ст. 169 УПК содержит следующее положение: «перед началом следственных действий, в котором участвует переводчик, следователь удостоверяется в его компетентности». При этом в УПК или иных нормативных актах отсутствует определение компетентности переводчика. Если мы понимаем под ней исключительно наличие диплома, подтверждающего знание данного иностранного языка, — следователь действительно может проверить это, если же — фактическое знание иностранного языка, то очевидно, что от следователя мы этого требовать не можем, и норма становится мертвой.

Во-вторых, в УПК не указано, с какого момента должен предоставляться переводчик. В то же время в международных нормативных актах мы такие сроки находим: в частности, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме³, в Принципе 13 указывает, что любому лицу в момент ареста или в начале задержания или заключения или вскоре после этого органом, ответственным за арест, задержание или заключение соответственно, доводятся до сведения и разъясняются его права и способы осуществления процедур. В данном случае Свод принципов детализирует момент предоставления переводчика («сразу после ареста»). Отсутствие аналогичной нормы в российском законодательстве ставит конституционные права граждан под угрозу существенного нарушения. Также следует согласиться с Л.Л. Васильевой-Кардашевской⁴ в том, что необходимо закрепить возможность участников процесса пользоваться услугами переводчика при ознакомлении с материалами дела.

Кроме момента вступления переводчика в процесс, в законе также не указаны субъекты, обязанные обеспечить его вызов. С одной стороны, круг этих субъектов следует из положений п. 3 ч. 4 ст. 159: «переводчик не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд». С другой стороны, нигде в УПК не содержится нормы, обязывающей кого-либо из перечисленных или иных лиц вызывать в суд переводчика и конкретизирующей, в каких случаях уполномоченное лицо обязано это сделать. Фактически это приводит к ситуации, когда переводчика можно вызывать только в том случае, если уровень владения гражданином языком судопроизводства мешает перечисленным субъектам осуществлять их процессуальные права и обязанности, невзирая на то, есть у самого гражданина возможность реализовывать в полной мере свои процессуальные права или нет.

Кроме того, возникает вопрос, каковы должны быть действия следователя в том случае, когда иностранный гражданин не владеет языком судопроизводства, но сам следователь или иной участник процесса владеет языком, который понимает данное лицо. То есть, если следователь или иной участник процесса может общаться с иностранным гражданином без помощи переводчика, следует ли приглашать переводчика? Отказ от услуг переводчика в данном случае невозможен при условии, что остальные участники процесса языком не владеют. Однако УПК не отвечает на вопрос, будет ли нарушением со стороны следователя, к примеру, допросить иностранного гражданина без участия переводчика при условии, что они оба в достаточной мере владеют его родным языком.

Выше была обозначена проблема отсутствия в законе определения «недостаточного владением языком». Особенное значение она имеет в случаях, когда лицо отказывается от услуг переводчика, утверждая, что владеет языком, на котором ведется производство, в достаточной мере, однако у следователя, прокурора или суда возникают сомнения в том, что это так. В Законе отсутствуют нормы, определяющие, каковы должны быть действия уполномоченных лиц в случае, если они приходят к выводу, что лицо отказывается от помощи переводчика необоснованно и в действительности данным языком не владеет. Принуждать воспользоваться услугами переводчика суд или иные органы не вправе, т. к. все нормативные акты, которые регулируют реализацию данного права, говорят о нем именно как о праве, но не обязанности.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении самого переводчика. Согласно п. 2 ст. 169: «перед началом следственных действий, в которых участвует переводчик, следователь удостоверяется в его компетентности». При этом в УПК или иных нормативных актах отсутствует определение компетентности переводчика, что затрудняет работу следователя и делает эту норму мертвой, как сказано ранее.

Кроме того, положения УПК, посвященные тайне перевода, сформулированы с целью обеспечить интересы исключительно стороны обвинения, полностью обходя права и законные интересы граждан.

Пункт 2 ч. 4 ст. 59 УПК РФ: «Переводчик не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в

порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса». Пункт 5 той же статьи: «За заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования переводчик несет ответственность в соответствии со статьями 307 и 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В соответствии с этими положениями законом охраняется тайна информации, связанной исключительно с материалами предварительного расследования. То есть фактически переводчиком может быть свободно разглашена любая информация о частной жизни граждан, ставшая ему известной в связи с осуществлением перевода, но не попавшая в число доказательств по уголовному делу. Следовательно, эта правовая норма при недобросовестном ее применении способна дать основания для нарушения принципа состязательности, предполагающего процессуальное равноправие сторон в уголовном процессе, а также конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Полагаем, что положения о тайне перевода должны формулироваться по аналогии с правилами о врачебной и адвокатской тайне и включать все сведения, полученные переводчиком в связи с исполнением своих профессиональных обязанностей.

Нами был приведен целый ряд фактов, и все они подтверждают одно и то же: процедура участия переводчика в уголовном процессе не урегулирована. Однако одними лишь дополнениями перечисленных статей УПК этот вопрос не может быть разрешен.

В литературе неоднократно упоминался опыт зарубежных стран, в частности Польши⁵. Вопросы подбора переводчика там урегулированы распоряжением министра юстиции от 8 июня 1987 г. «О судебных экспертах и переводчиках». Этим распоряжением председателю суда предоставлено право составления специальных списков экспертов и переводчиков, из которых они выбираются судом для исполнения обязанностей по конкретному делу. Переводчики подбираются по соответствующим языкам и языку глухонемых и вносятся в список по согласованию с учреждением, где они работают постоянно; срок их нахождения в списке не определен (эксперты вносятся в список на пятилетний срок). Помимо соответствия определенным профессиональным требованиям, вносимые в список кандидаты должны быть гражданами Польши, не моложе 25 лет и обладать полной правоспособностью и дееспособностью. Надзор за деятельностью экспертов и переводчиков возложен на председателя соответствующего воеводского суда.

Такое урегулирование правового статуса могло бы решить обозначенные выше проблемы, возникающие в этой сфере, и многие другие (оплата услуг переводчика, контроль его профессиональных знаний в области языка), облегчило бы правоохранительным органам и суду поиск квалифицированного переводчика и, главное, обеспечило бы практическую реализацию прав граждан.

Если говорить о возможной практической реализации этого механизма, то ее логично было бы осуществить через 3 задачи:

1) создание механизмов обучения (повышения квалификации) судебных переводчиков;

2) передачу соответствующему органу исполнительной власти полномочий по лицензированию деятельности переводчиков;

3) создание или передача уже существующему органу исполнительной власти полномочий по ведению реестра судебных переводчиков.

Задача по обучению (повышению квалификации) судебных переводчиков должна решаться с тем, чтобы устранить дефицит знаний в области права у лиц, имеющих высшее образование в области иностранного языка (лингвист, филолог, преподаватель иностранного языка). Отсутствие понимания правовых механизмов, действующих в России и в иностранных государствах (что имеет особое значение при работе с иностранными гражданами) на практике крайне затрудняет работу переводчика и делает ее невозможной либо малозффективной без участия лица, имеющего специальные знания в области права. Ведь фактически задача переводчика – объяснить иностранному гражданину, либо вовсе не знакомому с правом, либо знакомому лишь с категориями иностранного права (подчас принципиально иными, по сравнению с российским, как, например, в англосаксонской правовой системе), суть предъявленного обвинения, правовых последствий и т. д. В отсутствие знаний в области права сделать это эффективно, а значит, не нарушая основные права гражданина, почти невозможно.

При этом задача по обучению (повышению квалификации) переводчиков основам правовых знаний, хотя бы в виде курсов повышения квалификации, при наличии последующего контроля знаний могла бы существенно снизить этот риск.

Технически все три задачи могут быть решены посредством внесения изменений в УПК РФ и издания во исполнение требований этих статей постановлений Правительства РФ, связанных с передачей соответствующих полномочий органам исполнительной власти.

Таким образом, в целях реализации конституционных прав граждан, а также основных принципов уголовного процесса, включая принцип языка, а также процессуальных прав граждан, не владеющих русским языком или иным языком уголовного судопроизводства, необходимо:

1) внести изменения в УПК, определив основные понятия, связанные с участием в уголовном процессе переводчика, конкретизировать процедуру участия переводчика в уголовном процессе, устранить нарушения конституционных прав граждан;

2) закрепить в законе обязательную процедуру лицензирования деятельности переводчика, с предшествующим повышением квалификации в области правовых знаний;

3) организовать создание Единого государственного реестра судебных переводчиков.

Все эти меры позволят обеспечить соблюдение прав граждан, а также облегчить поиск квалифицированных переводчиков.

Итак, прежде всего следует признать, что участие переводчика в уголовном процессе — в настоящий момент проблемная сфера, которая должна стать объектом внимания как исследователей, так и законодателя. Нормативная база, регулирующая ее, была сформирована в тот исторический период, когда количество иностранных граждан, проживавших в нашей стране, и тем более участвовавших в уголовном процессе, было крайне мало, поэтому вопросы их правового статуса действительно не относились к числу самых актуальных. С тех пор нормы закона о правовом положении иностранных граждан в уголовном процессе давно устарели и нуждаются в изменении в соответствии с требованиями времени.

В настоящей статье предложена одна из возможных схем этих изменений.

Обеспечение прав иностранных граждан в уголовном процессе крайне важно еще и потому, что от него в значительной мере зависит репутация нашей страны в международных отношениях, ее «лицо» как правового демократического государства. Кроме того, вопросы, связанные с участием в уголовном процессе переводчика, актуальны и для граждан России, не владеющих русским языком, а также для реализации республиками в составе РФ предусмотренного ст. 18 УПК РФ права вести судопроизводство на государственном языке соответствующей республики.

Примечания

¹ См., например: Международный пакт о гражданских и политических правах. Ч. 2 ст. 14. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540295/> (дата обращения: 31.01.2011).

² Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме. Принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1988 года. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305353/> (дата обращения: 31.01.2011).

³ Васильева-Кардашевская Л.Л. Конституционный принцип национального языка и его реализация в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 47

⁴ См., например: Копылова О.П., Курсаев А.В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Тамбов.: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 16.